

**СУММА
ИСКУПЛЕНИЯ**

ПОЭМА-ЦИКЛ

МИХАИЛ КЛИМОВСКИЙ

Михаил К. Климовский

Сумма искупления (поэма-цикл)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72243763

SelfPub; 2025

Аннотация

Поэма-цикл, соединившая произведения М. Климовского, написанные в 2023-2025 гг.

Михаил Климовский

Сумма искупления

(поэма-цикл)

I. Летняя идиллия

Ещё не вечер. Бриз, волна, песок.
Закат, как символ вечного покоя;
на камне возлегаю. Только Бог
со мною враз внимает шум прибоя...
Я осязаю мир, пленён его красою,
поэтому я жив: душою не иссох...
Года текут стремительной рекою;
Ещё не вечер. Бриз, волна, песок...

II. Развивая Унгаретти

Я слушаю горлицу, но уже других потоков,
не раз умершую, не раз воскресшую,
и вновь прилетевшую, принести известие
о том, что Земля, предавшая память
в который раз, вновь жива в наших слезах

и улыбке неба, опять простившей нас.
Настанет день, и посреди иссохшей намети
горлица упадет оземь, уронив ветку,
задохнувшись от спертого воздуха в душах;
и Гнев опять опустит нас в водоворот.
Услышу ли я вновь горлицу других потоков
через годы раскаяния в удушном страхе?..

– О горлица, о мир пропащий!

Я принял мир. Он мне ответил
горячей радостью простых.
И час, нетих и предрассветен,
стоял. И я стоял меж них,
меж жаркой радостью и часом,
меж умиравшей суетой
и изменившим тембр гласом,
внимавшим горлице иной.

III. Дефиниция неясности

Это – как лезвием тупым провести по горлу;
как невидимый яд, без вкуса и цвета,
склонный лишь омертвлять, не давая шанса;
как золотое кольцо, сделанное из меди;
недосягаемый горизонт, окутанный черной

радугой; как океан за ним бесцветный,
где, если искупаться, можно кончиться тотчас;
как корабль, полный радости и упоенья,
отправляющийся в долгое плаванье по океану,
по оному зловещему океану исхода;
как свинцовый закат, растворяющийся в теми;
как самоубиение, устрашающий голос
Бога, отлучение, антагонизм праведного и злого
и вера в декаданс и свою ничтожность,
что льётся пением соловья, кой погибнет завтра;
как капли синей крови в португальском
столовом вине; как экстраполяция своей жизни
от великого ума или глупости, возможно;
как смерть, что придёт через долю секунды,
и ты об этом знаешь, извечно этим векуя.

IV. L'essere

О, из небытия в бытие едва ли одним взмахом кисти.
Все сложное – просто, ибо жизнь – восприятие исти
и фальши как рокота наших мышлений,
с ним – смены эпохи неверий и неисцелений.
В жизнь, полную сложных идей – с нехитрой улыбкой,
исполненной лёгкого страха, и зыбкой
надеждой, что пролезет сквозь гурт недужных
единственным словом из сонма других, ненужных.

Зачем? Почему? – и начто столько вопросов?

Почто осложнять жизнь, если все сложное – просто,
как осыпь на скалах, как ветер, дующий с берега,
как мир, изнуренный сущностью, и... хлопья простого
снега?

В жизнь, полную односторонности – с кличем,
пусть неуверенным, пусть. Ироничен
сей мир; всё, что делает нас печальными, сонно
погибает от сильного слова из того самого сонма.

Немного отдушины, и дышится сразу легче.

Здесь надо немного слов – не стоит нелёгкой речи.

О, из небытия в бытие едва ли одним взмахом века.

Всё сложное – просто, мысль – лишь восприятие века.

V.

Нет, это не смерть: наверно, простая усталость
и доводов малость; изрядно ещё мне осталось,
я чаю, я знаю. Нет поводов мыслить иначе, ведь ночи
бессонные – следствие вечных исканий, стараний.

Впрочем,

нелепо глаголить о том, в чем сомнений немало:
извечные поиски, вечные думы – не исты нимало,
в них много лганья, ослеплений, сплетений
ответов нелёгких,

вопросов на них наводящих, приводящих

к парезу лёгких.

Исканья – исчадия мысли, в кой ценности вовсе нету.
Зачем каждый вечер в выси, исполненной звёзд,
ждать комету?..

Встречать новый день, покуда заря на исходе,
без задней мысли о том, что завтра наступит навроде
разруха в воззренье, исполненном чёрного пепла.
И пусть. Ничего, сё – не жгучесть бесплотного пекла,
не смерть, не изумье. Наверно, лишь тени оных,
отчасти раздутых субстратом летас воронёных.

VI. Улисс

Путь – лишь возвращение в исходную точку.
Как это часто бывает притом – в одиночку
ты рвешь и мечешь, выстраивая иммунитет
к воле, к кой в целом не имеешь доступ.
И вот так – быть может – через дюжину лет
начнется какая-то поступь.

Путь – повторяемость с пущей долей успеха
из раза в раз, ибо ты привыкаешь к доспехам.
А всякая фикция, что мир у твоих ног
простирается миготом – как мед золотой – текущим,
скажу – эфемерна: ты одинок.
Не щадят никого и ничто в живущем.

Наш путь – непрерывный синдром Улисса.
А Жизнь – воплощенная Богом Актриса,
где зло и добро во единстве и смехе кружат,
следя за вmale наивным и трудным хождением.
Как приятно зато, прозрев, посмотреть назад -
все покажется, прямо сказать, сновиденьем.

VII. Поздние зимы

Поздние зимы. Вечер изрядно прохладен.
Весень ещё не виднеется; голос весны невнятен.
Вечер немного сер. Но, как ни крути, приятен.
Я выхожу во двор. И (о, Бóг!) надеваю пальто.
Многоэтажек сонм гордо взлетает скопом.
Жизнь, увядая в илу, говорит эзопом;
дождь же своей чистотой окропляет иссопом,
сери пустой задавая сакральный тон.

Я выхожу из дому. Дышится очень просто.
Воздуха в сердце ни много, ни мало, – вдосталь.
Я открываю калитку; сверкает напротив остро
желтая краска машины, и я тороплюсь к такси.
Поздние зимы. Вечер изрядно томен,
лёгко донельзя однако; то громогласен, тó нем.
В свете оранжевых звезд мы, грезя о жизни, тонем;

те отвечают словами нам светло всему вопреки.

Еду в такси. Тихо. Я сочиняю вирши.

А за окном – реки, леса, мечты-богатырши;
знать, чем дальше от города, тем становится тише.

И неуёмный мир пуще золотоок.

Вечер. В такси прохладно. Радио еле-еле.

Ты погляди в окно! Там великанши-ели.

В них – непростая суть, не ведомая доселе.

Ибо в её недрах точно живёт Бог.

VIII. Апостасия

Там, с краю... где-то повторно Христос казнён.

Не въявь (то иллюзия), нет; лишь в душах исступленных.

Напротив Него – вопиящие, напротив Него – сонм
святых и немых, ошую – дрянных и насупленных.

Там Господу молятся те, кто смог сохранить Псалтирь,
иль старый молитвослов, иль светлое Благовестие.

Кто, видя остывшую кровь, смог зреть неостывший мир.

Из раза в иной раз осеняя свой стан перекрестием.

Издержки войны с невером? – лишь вящая цельность нас.

Так смысл в смертях святынь, нетленные ввек которые?

Ведь стоит понять одно: умрет коли с краю Спас,

что, бесы, услышите вы уповающих грозной второю?..

IX.

Ибо все в этом мире Бог. Говорил в голове голос,
растворяясь помалу в смене жизненных по́лос.

Ведь я почасту видел виперу, правда,
по полу ползал полоз.

Ибо все в этом мире Бог. Как и плоть,
как и внятность лир.

Я ходил по тропе пустынной, где совсем
не мелькали взоры.

Лицедрел я восходы, закаты, и снова зори.

И сменялись великим богатством земные разоры.

Ибо все в этом мире Бог. Ибо все в этом Боге мир.

X. Христос воскрес!...

"Христос Воскрес!", – поют протяжно

В церквах, в домах, на рати днесь.

И маета душе не важна;

Гляди, мой друг! Христос Воскрес!

И ночь очарований полна:

Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Звенит, ликуя, колоколья:

Христос воистину Воскрес!

И в храме кротком и нетихом
Пусть льются нежности стихир!
Оставит мир пороков вихорь,
От суеты остынет мир!

"Христос Воскрес!", – поют, открыто
Душою жажда чудес!
Все благодатию омыто!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

XI. Экспромт в метро

Мне больно за эти одинокие очи,
потому что пока мы спим – они ищут отчий
дом в полном пространстве, то есть
inter parietes. И жизни своей повесть
поиском строят. Они, право, чаще нас всех
молятся Выси, и как должно – не наспех,
взглядом ризы сини целуя. И с остовом
своим иссушенным векут извечным островом,
где нет ни плохого, ни жгучего,
что вмиг изъедает нутро.
Я вижу это в глазах напротив в метро.

XII. Радость

В жизни – одни возни.
В окнах горит темь.
В мире – одни розни.
Это ли смерть? – Тень.

Где же Ты? Где, Боже?
Падшие все мы сколь...
Это ли смерть? – Похоже.
Что наша смерть? – Юдоль.

Комната. Очень сухо.
Всяк в этой комнате сир.
Нет в ней Господнего уха.
Что эта комната? – Мир.

Я одинок. Богородица
горестно смотрит в глаза.
Сохла душа – безводица,
где ни слезы, ни Аза.

Я одинок. До ужаса.
Все здесь – у смерти ног.

Грех в кислороде кружится.
Я ли один одинок?

Смерть воскрепленно хохочет,
стонов неся полотно.
Грех открывает очи:
мир сей – Пилат нов.

3

И оттого бессилен.
И оттого убог.
Мир умирает в иле.
Что есть конец? – Бог.

Все ведь вернется. Ветер,
дерево, тварь, мы.
Люди за все в ответе.
Люди страшатся? – Тьмы.

Тьмы как синонима смерти.
Смерти как сущего зла.
Тьма не во Боге, поверьте,
только – другая тьма.

4

Впрочем, не стоит тварей,
древ и ветров сухих.
Созданы люди во Даре.
Все остальное – их.

Жить в темноте, может?..
Так и не страшно жить.
Это ли смерть? – Тоже.
Только другая. Нить

мига в простом слове,
сказанном не зазря
внове, и внове, и внове.
В этом ли суть жития?

5

Я одинок. К иконе
я подхожу в слезах.
Пыль на моей ладони -
это усопший страх.

В мире немного мрачно.
Смерть порождает ток.
И вдалеке – прозрачно -

виден Конца исток.

В Слове внимая пророчествам,
вижу в окне свет.

В жизни – одно одиночество.

Это ли смерть? – Нет.

P.S.

6

Отче, на все Твоя воля!

Если возможно, да
пусть минует недоля,
страшная чаша суда!

Бог Я, страшусь смертельно!

Смерти ли?.. – Я человек
в этом саду. Безраздельно.
Но не иду на ночлег...

Отче, Я впал в искушенье!

Отче, ведь Я же Бог?
Это ли смерти жженье
чтоб человек превозмог?

Отче, на все Твоя воля!
Если возможно, да
пусть минует недоля,
страшная чаша суда!

Страшно, и Я молением
сею кровавый пот,
чтоб озарить нетленьем
Дух. Ибо немощна плоть!

Отче, на все Твоя воля!
Если возможно, да
пусть минует недоля
в день Твоего Суда!..

ХIII. Развивая мысль

Я, с высоты своих расплывчатых лет,
нередко твердил, что жизнь – подстрочный ответ
на чувство, однако никак не на грех,
что ветер – оттенок дыхания, но не корявый рех,
что зеркало – средство увидеть свою тень,
что воздух влияньем значительно хуже стен,
что Бог – вездесущ, и, прежде (что странно) всего,

по оному плачет плюющий от краха в Него.

Рассвет за окном. Пишу я, не жалуя кресла,
пусть отдых мне чужд, и поэтому ломит чресла.

Я, с высоты своих расплывчатых лет,
нередко твердил, что мир созидает эстет,
что правит миром несовершенным стоик,
что, лишь разбившись о мрамор, ты станешь стоек,
что все же остался правым классик-поэт,
сказав, что смерть, как тема, рождает портрет,
что, приморившись от скопища черных мух,
взыграет на каплях росы русский дух.

Рассвет за окном. Как должно: свежо, искристо.
За дверью негромко доносится скрип и стон.

Я, с высоты своих расплывчатых лет,
твердил: сожаленье подолгу кричит вослед,
и вирши сгорят над стихами, как встарь,
и ввек погост не умрет, но умрет цвынтарь,
и действо не терпит глаголов, частицы ж – да,
меняя наклон изъяснения; и то, что нужда
в частицах и строит то чувство – любовь.
И жизнь-то обычно стреляет не в глаз, но в бровь.

Рассвет за окном. Я, вроде, совсем не стар.
Но старость во юности стойко сулит мне дар.

Я, с высоты своих расплывчатых лет,
нередко твердил, что во многом – конца нет,
что настоящему времени важен предлог,
и то, что прошло – иное не что, как пролог
к сегодня; что я восхвалять не устану Христа,
но грех мне когда-то на век мой сожжет уста,
что вящий в основе виршей – метод,
стиха же – и метод, и чувство, и этот
мотив, тот, что лейт и ведет по дороге лирика,
как Слово (оно ведет и поэта) – клирика.

Рассвет за окном. И черная ткань штор
скрывает не только зарю, но и сильный шторм.

И сколько еще лет? Столько же, сколько мет.
Ведь время являет шаг, как Бог излучает свет,
всегда. А шаг порождает действие;
и действие лелеет ночь (пусть часто и фарисейство
сквернит и позорит её). Ведь она -
мать мыслей, подобно лазури морей, – бездонная.
И, стоит отметить, – материя, склонная к полноте,
идет от простого к сложному – и вновь к простоте.

На улице – ночь. А я – все исполнен дум.
Но, *dubito ergo cogito, cogito ergo sum*.

XIV. Буревестник

Мне сказал восприемник, что я превосходный крестник.
Я бы с этим поспорил, да и пастырь, что меня крестил,
тоже. О, пропой тишиной, белогруд буревестник,
и скажи мне: каков мой крест и как мне его нести?
Я нередко полет твой зрю. Он – беспечен, не то, что воды.
В них – так много сложности, и притом совершенно
немой.

Ты лети, о, лети, буревестник, не страшась непогоды,
ибо крест – он есть, и, каким бы он ни был, он мой.

XV.

Я бежал за вечностью – и не заметил молодость.
Как зрелость незаметно пришла, не прикрыв дверь.
Я правду искал посреди суеты – и получил подлинность,
в которую, как в полуоткрытую створку, врывался
зверь.
Я бежал за безмерностью – и внял лишь её
отражению
темному, как конец прекрасного слога; (оно
оказалось быстрее меня). И, ко многому сожалению,

я видел в ней не форму, не имманентное, но
цель. И помчу я дальше – и не замечу старости,
не имея на руках ничего, кроме непонятого бытия
своего, пары несказанных слов, усталости,
и, искореженного этой непонятостью, меня.

XVI. Сонет

Вдали от жития в изморе,
вдали от праздности лихой
есть дом – и рядом с ним глухой
погост, где синее изморье
глядит понуро в сильном горе
на нас, томленное тоской,
ведь каждый день его немой.
В тиши измученное море
и злом, и страхом, и грехом,
лишь, в содрогании земном,
тоскливо охает волнами
и омывает тот погост
извечность под свеченьем звезд,
шумя меж Господом и нами.

XVII. Сонет

Задыхаюсь я – вокруг один живой

воздух, весь пропитанный любовью.
Мысль крадется тихо к изголовью -
в нас живет и Бог, и волк степной.
Волком был бы я, но есть во мне любовь,
богом был бы я, но есть и волчье;
чем в нас больше волчьего, тем горче
нам воспринять надмирный кров;
чем в нас больше бога, тем трудней
нам воспринимать юдоль мирскую,
видя непорочную морскую
синь, красу лесов и церкв елей.
В холод, безразличие и зной
в нас живет и Бог, и волк степной.

XVIII. Письмо воздуху

Может быть, однажды утром, войдя в стеклянный,
сухой воздух, повернувшись, я увижу чудо:
ничто позади меня, пустота позади меня, и рьяный
ужас пьяного, коему, признаться, худо.
Потом, как за ширмой, расположатся одним мигом
деревья – дома – холмы для простой фикции.
Но станет поздно – среди людей, с сонмом энигм
я растворюсь, лишившись всяческой дикции.

XIX. К Хроносу

Движение пелены равносильно лейтмотиву пути.
Я, лежа на жестком, еще не ветхом настиле,
не вижу конечности, мысля как жизнь пройти,
ибо перед лицом вечности время теряет в силе.
В детстве я не замечал плавные шаги облаков,
но замечал красоту винных, цветущих маков.
Сидя в лодке, я слушал течение своих годов
и не боролся с Господом, как Иаков.

Тонический стих восходит еще к псалмам.
А мой – восходит к жизни, то есть – к истоку.
Жизнь не подвержена времени и людским шагам -
солнце, уходя на запад, смотрит в глаза востоку.
И чем крепче разум, тем меньшим кажется век.
Тем меньше душа не видит блажное время,
кое, перед лицом вечности, замедляет бег,
тихим, недвижным облачным шагом зрение грея.

XX. Безмолвие

1

Сказано что-то коль
глухо и не всерьез,
вслед последует боль,

боль, и за нею — ось,
ось опустелых тел
недосказавших враз
то, что их дух хотел
в сонме потухших глаз,
в сонме, где только шум
неуслышанных букв.
Там, где за шумом струн
вьется, словно хоругвь,
в полой, злой немоте
пестрядь глухих слов,
к слову сказать, — и тех,
сотканых из узлов,
сложных или простых,
тонкоголосых иль
вмиг дающих под дых,
выводящих всю гниль.

2

Каждый понять горазд
сказанное зазря.
Каждый, признать, горласт
только взойдет заря,
только взойдет на крест
очередной пророк,

слово его – не персть -
очередной урок,
повод очередной
тихо сказать вслух:
о, родная, родной,
сколь же я был глух,
сколь же я был нем,
говоря с пустотой,
сколь же я был тем,
кто, говоря с той,
истовость видел в ней.
Ибо словесный шаг
мне давался трудней,
погружаясь во мрак.

3

Не каждый поймет слог,
сказанный после того,
как преступил порог,
знать, себя самого.
Право, не стоит мреть,
лучше взойти луной.
Ведь прожита треть
жизни моей дрянной,
может быть, четверть лишь.

Лишь бы успеть сказать,
то, что разрушит тишь,
то, что согреет мать,
то, что спасет дух,
шире сказав – мир
от разлук и разрух,
преодолев ширь.
Ибо сказать успеть -
самое важное вбыль.
Проговорив, прозреть
и – превратиться в пыль.

XXI.

Горизонт у каждого свой и неиссякаем,
ведь тот, не имея углов, плоскостей, окраин,
может и пнуть, как камень, и умертвить, как Каин,
и изнурить, и ввергнуть, и воскресить.
Посему и обилие красок, и деталей обилье,
и всеилье пред мигом, и смешное бессилье
перед теми, кого, зрея вновь горизонт, мы любили,
кто тушил горизонты наши, забывая спросить
разрешенье или просто спросить о здоровье.
Мне бы, Боже, прилечь на земное мое изголовье
и, уставив свой взгляд на даль, в горизонте узреть
не просто целую жизнь, но границу земли и неба,

зане остановка на ней – важнейшая треба,
ибо мы продолжаем незримо и тихо стареть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.